

ИМПЕРИИ ЕВРАЗИИ И ЗАПАДОЦЕНТРИЧНЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: КАК ПРОШЛОЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ БУДУЩЕЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ

Рецензия на книгу:

Mankoff J. (2022) *Empires of Eurasia: How imperial legacies shape international security*. Yale University Press, 384 p.

Вера ЖОРНИСТ

МГИМО МИД России

Во второй половине XX в. имперская политика рассматривалась преимущественно через призму исторической науки, в то время как исследователи международных отношений уделяли данному феномену гораздо меньше внимания. Согласно распространенному определению, империя – это форма государственности, для которой свойственна проекция власти центра на зависимые территории, а также определение метрополией как внешней, так и внутренней политики своих колоний (Doyle, 1986: 12). После завершения процесса деколонизации *de jure* империй не осталось, исчезли правовые основы колониальной зависимости, и на международно-правовом уровне была зафиксирована норма невмешательства в дела других государств. Согласно английской школе теории международных отношений, формально в современной международной системе империй быть не может из-за существования именно этой нормы. Однако фактически ресурсно обеспеченные (в плане субъектности, финансовых, административных, международно-правовых и иных характеристик) государства продолжают вмешиваться в дела более слабых образований, из-за чего границы между государством-нацией, гегемоном и империей стираются (Watson, 1992: 316–317). Наиболее наглядным

Жорнист Вера Михайловна – аспирантка кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-7406-3192. E-mail: v.m.zhornist@my.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 08.07.2023

Принята к публикации: 28.07.2023

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

примером условной современной империи являются США, обладающие достаточной ресурсной базой и статусом в международной иерархии для вмешательства в дела других государств (Münkler, 2007).

Статус государства, превосходящего других по своей мощи, и отраженный термином «сверхдержава», США приобрели после завершения Холодной войны. После распада СССР США остались единственной сверхдержавой, стали самым могущественным государством мира, и в международной системе не осталось страны, способной им противостоять (Сох, 2007).

После терактов 11 сентября 2001 г., когда Соединенные Штаты получили международную легитимность в использовании силы против «Аль-Каиды»¹ и во вмешательстве в дела Афганистана, термин «империя» стал все чаще использоваться в политических науках по отношению к США (Münkler, 2007). Постепенно термин «империя» начал расширяться, применяться и по отношению к другим государствам, чья внешняя политика обладает чертами экспансионизма.

Помимо исследований политики США (Bacevich, 2007) авторы работ по проблематике современных империй фокусировались на вопросах суверенитета (Breuilly, 2017), изучении дилеммы между приоритетом нации во внутригосударственной политике и имперской внешней политикой, а также на феномене имперского перенапряжения (Burbach, Tarbell, 2004). Отдельные публикации были посвящены исследованиям элементов «имперской политики» в поведении и других государств помимо США – Китая (Van Kemenade, 2010; Terrill, 2003), России (Van Herpen, 2015) и ЕС (Behr, Stivachtis, 2015). Однако в сфере исследований современных империй большая часть работ посвящена изучению внутренней динамики отдельных государств и их региональной политике, в то время как достаточно мало научных изысканий посвящено сравнению современных «империй» и того, как они взаимодействуют между собой.

Труд Джеффри Манкоффа «Империи Евразии: как имперское наследие формирует международную безопасность», в котором исследуются не только традиционные для данного поля исследований Россия и Китай, но и гораздо менее изученные через призму империй Турция и Иран, посвящен заполнению данной лакуны исследований. В книге не только рассматриваются популярные для данного научного поля вопросы (динамика центра и периферии), но и затронуты реже освещаемые проблемы взаимодействия нескольких империй в сфере региональной безопасности. Автор также поднимает интересный вопрос имперской идентичности в качестве фактора легитимации внутри- и внешнеполитического курса вышеозначенных государств.

¹ Террористическая организация, запрещена в России.

Джеффри Манкофф – заслуженный научный сотрудник Института стратегических исследований национального института обороны США и внештатный старший научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований (англ. *CS/S*). В этом же Центре он долгое время возглавлял российское направление, а еще раньше занимал должности заместителя директора Центра исследований международной безопасности Йельского университета, был научным сотрудником Совета по международным отношениям и советником по российско-американским отношениям в Государственном департаменте США. Сфера научных интересов Дж. Манкоффа – Россия, безопасность в Евразии и политика великих держав. Он автор одной из самых популярных в Америке книг о России – «Внешняя политика России: возвращение политики великой державы».

Согласно основному тезису книги, в современном политическом курсе России, Турции, Ирана и Китая наблюдается преемственность имперской политики прошлого. В понимании Дж. Манкоффа политика держав Евразии характеризуется тремя чертами: наличием имперского прошлого, восприятием себя как чего-то «бóльшего, чем государство» и стремлением проецировать влияние за пределы своих границ. Проводится важное различие между гегемонией и империей – в отличие от гегемона, империя определяет не только внешнеполитический, но и внутривнутриполитический курс зависимого государства. Автор отмечает, что среди исследователей империй не наблюдается консенсуса как по поводу самого определения империи, так и по поводу того, какие из современных государств уместно отнести к империям.

При этом на протяжении всей книги Дж. Манкофф использует в качестве взаимозаменяемых понятия «империи» и «постимперские государства» в отношении России, Китая, Ирана и Турции, что, конечно же, вызывает существенные вопросы методологического и исторического характера. В то время как первое определение в отношении современных четырех государств адресует к их истории, второй термин, по мнению автора, характеризует их политическую систему.

Книга состоит из четырех основных разделов, посвященных России, Китаю, Ирану и Турции. Структура каждого блока охватывает несколько тем: национальную и региональную политику, формируемую идентичность, использование некоренных этносов в проекции влияния за пределы своих границ.

В начале книги Дж. Манкофф выдвигает тезис о том, что XXI в. станет веком империй в Евразии, характеризующимся стремлением России, Китая, Ирана и Турции проецировать свое влияние на более слабые государства, с которыми бывшие империи объединяют культурные, исторические и политические связи. Инструменты влияния, по мнению автора, варьируются от прямого военного вмешательства и неравных экономических отношений до завоевания лояльности отдельных этнических групп других государств. Такая политика объясняется нежеланием четырех держав подчиняться правилам американоцентричной постбиполярной системы мирового порядка и наличием импер-

ского прошлого, предопределяющего ряд закономерностей в политике России, Китая, Турции и Ирана. Таким образом, причиной имперской политики четырех государств, по мнению автора, является сочетание подобного опыта в прошлом (имперское наследие) и оппозиция к существующему мировому порядку в настоящем.

Хотя Дж. Манкофф в определенном смысле очерчивает границы анализа (евразийские государства с имперским прошлым в оппозиции к западоцентричному мировому порядку), ход его мысли не всегда логичен. Например, выборка включает четыре государства, названные империями на основании того, что проводимая ими политика включает вмешательство в дела более слабых государств и диктуется нежеланием подчиняться правилам постбиполярного мирового порядка. Критерий отбора государств совпадает с вменяемым Манкоффом этим государствам возвращением к имперской политике в режиме оппозиции западоцентричному мировому порядку. По логике Дж. Манкоффа, изучаемые государства Евразии, не согласные с западоцентричным мировым порядком, автоматически попадают в разряд стран, стремящихся вмешиваться в политику соседних государств и, следовательно, в категорию империй. При этом автор не рассматривает другие государства Евразии на этапе обоснования отбора объектов анализа.

Кроме того, Дж. Манкофф обстоятельно рассматривает политику четырех государств в более широком контексте противостояния американоцентричному мировому порядку лишь во Введении и в Заключении книги, в то время как основная часть труда посвящена внутривнутриполитическим и региональным аспектам имперской политики.

Автор доказывает, что обращение к имперской идентичности, которая противопоставляется системе либеральных демократий, продвигаемых в рамках американоцентричного мирового порядка, происходит ввиду неприемлемости для четырех держав установления либерально-демократических институтов. Подчинение правилам американоцентричного мирового порядка означало бы отказ Китая, России, Турции и Ирана от политических систем с автократическими чертами правления. Помимо нежелания подчиняться влиянию Запада, указанные четыре государства прибегают к имперской идентичности, так как их идеологические системы не выполняют функцию легитимации правящей власти. Имперская идентичность используется для легитимации внешней и внутренней политики России, Китая, Турции и Ирана.

Однако помимо исторической памяти, имперское наследие несет ряд реальных ограничений и объективных обстоятельств, структурирующих внутри- и внешнеполитические угрозы современным России, Китаю и Турции. Дж. Манкофф выделяет ряд вызовов и дилемм, с которыми сталкивается каждая из четырех бывших империй.

Будучи преемниками империй эпохи завоеваний, Россия, Китай, Турция и Иран являются многонациональными государствами. Помимо коренной нации в каждой из четырех стран есть ряд этнических групп с различной степенью автономии. Из необходимости балансировать между потребностью в

подтверждении статуса коренной нации и необходимостью удерживать «периферийные» этносы в рамках государственных образований рождается первая дилемма государства-нации и империи, достаточно хорошо изученная в литературе (Hall, Malešević, 2013: 147). Кроме того, важное место в книге уделено вопросу идентичности, проблемам ее формирования в четырех государствах, а также ее использованию в качестве механизма проекции своего влияния за рубеж.

Логика государства-нации предполагает усиление прав коренной нации и ассимиляцию других национальностей, однако накладывает ограничения на привлечение в свою орбиту этносов, проживающих как внутри государства, так и за его пределами, с целью расширения своего влияния. Логика империи, напротив, предусматривает расширение своей территории за счет включения в состав государства новых этносов, в том числе с помощью мобилизации представителей национальности, проживающей на территории империи.

Дж. Манкофф анализирует динамику национальной политики Российской империи и СССР и отмечает, что исторически они выстраивали государственную идентичность вокруг своих стратегических интересов, которые заключались в имперской экспансии и, соответственно, ставились выше интересов нации (с. 23). Дж. Манкофф отмечает, что идея русского народа как государство-формирующей нации, популярная, по его мнению, в российском обществе до наших дней, стала попыткой найти баланс между фиксацией роли коренной нации и уступками в пользу периферийных национальностей.

На примере политики Российской империи, Турции, Китая и Ирана Манкофф показывает, что усиление прав коренной нации и ужесточение национальной политики происходили в ответ на политические кризисы (например, жесткая политика Российской империи на исходе XIX в. стала ответом на восстание декабристов 1825 г., польское восстание 1830–1831 гг. и польское восстание 1862–1863 гг.), вызывали ответный рост сепаратизма и последующий «откат» к более умеренной национальной политике.

Именно политика снижения автономии российских подчиненных территорий и снижения активности националистических движений на территории современных Беларуси и Украины укрепила сепаратистские движения и стала еще одной причиной успеха большевиков, выступавших против централизаторской политики Москвы. Реализованная в рамках СССР политика повышения автономии республик в рамках федеративного плана предусматривала ряд уступок центра периферии. В русле советской политики соседства в отношении братских народов Россия продвигала и продвигает общую идентичность «Русского мира». Однако постсоветские республики, в представлении Манкоффа, опасаются возвращения к периоду доминирования России, что в совокупности с конкуренцией за влияние с Китаем и Турцией сильно затрудняет проекцию влияния России на постсоветском пространстве (с. 77–78). Для компенсации отсутствия сложившейся общей идентичности

Россия предлагает интеграционные проекты (ЕАЭС и ОДКБ), которые, однако, имеют весьма ограниченный успех как ввиду политики многовекторности постсоветских государств, так и ввиду конкуренции великих держав в Евразии.

В современной Турции постимперская политика Партии справедливости и развития (ПСР) включала использование повышения автономии курдов для проекции влияния вовне. Курдское приграничье использовалось в качестве плацдарма для продвижения влияния на территорию Ирака и Сирии. Тем не менее «курдская инициатива» (англ. *"Kurdish opening"*), устанавливавшая примат религиозных и исторических связей над этническими, провалилась², а курды были «секьюритизированы» правительством Р. Эрдогана, и в национальном вопросе возобладала политика «закручивания гаек». Устойчивость сепаратизма, несмотря на уступки правительства, продемонстрировала ограниченность возможностей решения курдского вопроса посредством апелляции к религии. Камень преткновения курдского вопроса заключается в невозможности создать общую идентичность ни с помощью ассимиляции курдов (политика К. Ататюрка), ни посредством объединения на религиозной почве (суннизм).

Согласно оценке Дж. Манкоффа, несмотря на имперское наследие, у Турции и Ирана нет достаточных ресурсов, чтобы претендовать на статус регионального центра, поэтому Турция прокладывает себе путь посредством посредничества в региональных конфликтах и сотрудничества как со странами Запада, так и с Россией и Китаем, а не прямого столкновения с ними.

На примере Турции и Ирана прослеживается важная составляющая формирования общей идентичности как для укрепления национального единства внутри государственных границ, так и для распространения своего влияния за рубежом. Как и в случае Турции, Иран использует религию для создания единой общности. Турция продвигает ислам суннитского толка и предлагает относительно инклюзивный региональный порядок, тогда как Иран стремится объединить сообщество шиитов, безусловно преданных Ирану. Однако пока идеология Большого Ирана (или Иранзамина) не приобрела популярности ни в соседних странах, ни в самом Иране.

Помимо скромных ресурсов и примата религии в формировании общей идентичности, у Ирана есть еще одно ключевое отличие от трех других государств: Иран приоритизирует безопасность над проекцией влияния (с. 187) по причине ограниченности собственных ресурсов и вмешательства внешних сил в его внутреннюю политику на протяжении XX в.

Наиболее влиятельной из четырех держав, согласно Дж. Манкоффу, является Китай. В сравнении с Турцией, Ираном и Россией Китай обладает большим потенциалом для продвижения влияния за счет нескольких факторов: значительного объема ресурсов, отсутствия экспансионистской ретроспективы и отсутствия привязки к жесткой религиозной аффилиации.

² Это стало очевидно после референдума, на котором большинство голосовавших высказалось в пользу независимости Курдистана.

Китай исторически сталкивался с сепаратизмом; эта проблема существует и сегодня. Дж. Манкофф полагает, что на современном этапе политика Китая ближе к формату государства-нации, нежели империи. Китай объявил борьбу с терроризмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), стремясь не только подавить сепаратизм, но и ассимилировать жителей СУАР, сделать их лояльным центральному руководству.

Супранациональная идеология Китая – Тянься (Поднебесная), подразумевающая установление мирного сосуществования государств на международной арене на основе правил, регулируемых Китаем. Тем не менее идеология Поднебесной, по мнению автора, не близка потенциальным сторонникам Китая, и экономическое сотрудничество приносит гораздо более значительные результаты, чем формирование общей идентичности под лозунгами «сообщества единой судьбы человечества».

Манкофф подчеркивает, что Китай предлагает реальное экономическое сотрудничество, которое более привлекательно, чем закрытые институты России (ЕАЭС, ОДКБ), а глобальный проект «Один пояс – один путь», китайские инвестиции и инфраструктурные проекты служат проводником экономического доминирования Китая. Привлекательности сотрудничеству с КНР добавляет и то, что Пекин сотрудничает и с теми государствами, которых западная мысль не относит к демократиям, не предъявляя им требования политического характера. Это выгодно отличает его практики от западных подходов.

Дж. Манкофф отмечает, что, несмотря на пересекающиеся сферы влияния и конкуренцию между Россией, Китаем, Турцией и Ираном, локальные конфликты не перерастают в стратегическое противостояние, а все четыре евразийские державы так или иначе противопоставляют себя западной системе международных отношений. Автор показывает, как на примере изучаемых государств просматривается закономерность движения в сторону имперской идентичности по мере охлаждения отношений со странами Запада.

Аргументация Дж. Манкоффа позволяет сделать вывод о необходимости сохранения в составе России, Китая, Турции и Ирана ряда национальностей, доставшихся им в наследство от империй прошлого, за счет легитимации сохранения государства в текущих границах. Также расселение этносов в приграничных территориях представляет не только плацдарм для продвижения влияния, но также потенциальную угрозу сепаратизма и нестабильности на границах, которую четырем державам приходится учитывать. Иными словами, эти державы не могут отбросить в сторону национальный вопрос, потому что от него зависит их территориальная целостность. Эта угроза, по мнению автора, и побуждает центральные власти обращаться к имперской идентичности ввиду отсутствия сильной идеологии.

В книге Дж. Манкоффа просматривается попытка объяснить поведение государств, не принимающих западоцентричную систему мирового порядка, во-первых, исторической предрасположенностью и, во-вторых, стремлением расширить влияние за пределы своих границ. Роль имперского наследия в

предопределении политики России, Китая, Турции и Ирана в интерпретации автора выглядит как неизбывная предрасположенность этих стран к «неправомерному» поведению. Основной тезис книги – «имперскость» генетически заложена в политике четырех государств, которые используют ее для легитимации своего политического курса.

Де-факто навязываемая автором мысль о том, что Россия, Китай, Турция и Иран априори не будут проводить построенную на уважении суверенитета соседей мирную политику, вписывается в традиционный западный дискурс об «империях зла», особенно активно продвигаемый в контексте российско-украинского кризиса³. Книга представляет интерес в части изучения динамики региональных систем, в которые включены несколько империй, а также с точки зрения изучения взаимосвязи между идентичностью и внешней политикой государств. Тем не менее авторский тезис о «предопределенности» политики России, Ирана, Турции и Китая позволяет говорить, что книга изрядно наполнена субъективистскими трактовками. Однако непредвзятый анализ показывает, что истоки политики государств, независимо от их исторических особенностей, лежат в плоскости национальных интересов, а роль не согласных с навязанными извне «правилами» евразийских постимперских держав в региональной и глобальной системах международных отношений будет только расти.

Список литературы

1. Bacevich A.J. (2009) *American Empire*. Harvard University Press, 312 p.
2. Behr H., Stivachtis Y.A. (ed.) (2015) *Revisiting the European Union as empire*. Routledge, 252 p.
3. Breuilly J. (2017) Modern Empires and Nation-States. *Thesis Eleven* 139(1): 11–29.
4. Burbach R., Tarbell J. (2004) *Imperial Overstretch: George W. Bush and the hubris of empire*. Zed Books, 252 p.
5. Cox M. (2007) Still the American Empire. *Political Studies Review*. 5(1): 1–10.
6. Doyle M.W. (1986) *Empires*. Cornell University Press, 408 p.
7. Hall J. A., Malešević S. (ed.). (2013) *Nationalism and War*. Cambridge University Press, 372 p.
8. Münkler H. (2007) *Empires: the Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States*. Polity, 248 p.
9. Terrill R. (2003) *The New Chinese Empire*. UNSW Press, 282 p.
10. Van Herpen M.H. (2015) *Putin's Wars: the Rise of Russia's New Imperialism*. Rowman & Littlefield, 296 p.
11. Van Kemenade W. (2010) *China, Hong Kong, Taiwan, Inc.: the Dynamics of a New Empire*. Vintage, 476 p.
12. Watson A. (1992) *The Evolution of International Society: a Comparative historical Analysis*. Routledge: London, 384 p.

³ Kirk D. (2023) The 'evil empire' is morphing into a new Sino-Russian empire. *The Hill*. Available at: <https://thehill.com/opinion/international/3894829-the-evil-empire-is-morphing-into-a-new-sino-russian-empire/> (accessed 19 July 2023).

EMPIRES OF EURASIA AND WEST-CENTRIC WORLD ORDER: HOW THE PAST SHAPES THE FUTURE OF THE INTERNATIONAL SYSTEM

Vera M. ZHORNIST, postgraduate student, Department of Applied International Analysis, MGIMO University.

ORCID: 0000-0001-7406-3192. E-mail: v.m.zhornist@my.mgimo.ru
 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received July 8, 2023

Accepted July 28, 2023

References:

1. Bacevich A.J. (2009) *American Empire*. Harvard University Press, 312 p.
2. Behr H., Stivachtis Y.A. (ed.) (2015) *Revisiting the European Union as empire*. Routledge, 252 p.
3. Breuilly J. (2017) Modern Empires and Nation-States. *Thesis Eleven* 139(1): 11–29.
4. Burbach R., Tarbell J. (2004) *Imperial Overstretch: George W. Bush and the hubris of empire*. Zed Books, 252 p.
5. Cox M. (2007) Still the American Empire. *Political Studies Review*. 5(1): 1–10.
6. Doyle M.W. (1986) *Empires*. Cornell University Press, 408 p.
7. Hall J. A., Malešević S. (ed.). (2013) *Nationalism and War*. Cambridge University Press, 372 p.
8. Münkler H. (2007) *Empires: the Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States*. Polity, 248 p.
9. Terrill R. (2003) *The New Chinese Empire*. UNSW Press, 282 p.
10. Van Herpen M.H. (2015) *Putin's Wars: the Rise of Russia's New Imperialism*. Rowman & Littlefield, 296 p.
11. Van Kemenade W. (2010) *China, Hong Kong, Taiwan, Inc.: the Dynamics of a New Empire*. Vintage, 476 p.
12. Watson A. (1992) *The Evolution of International Society: a Comparative historical Analysis*. Routledge: London, 384 p.